

После ужина я сидела в своей комнате, стараясь расслабиться, но вдруг услышала голос снизу — и всё тело мгновенно напряглось.

Да, я и правда решила: пора честно разобраться с этим. И даже собиралась сделать это. Но ведь на всё нужно время... Особенно на подготовку — в данном случае, на подготовку душевную.

— Румико-сан, я принесла то, о чём мама просила передать!

— О, спасибо большое! Аой-тян, как давно тебя не видела!

Оказывается, мама Аой-тян отправила нам что-то в подарок — наверное, очередное «делимся излишками». Наши родители давно дружат, так что такое случалось постоянно: то фрукты от дальних родственников передадут, то, например, из семьи Симамото — где никто не пьёт алкоголь — к нам попадёт пиво из подарков к Обону.

(П. П.: Обон или Бон — японский трёхдневный праздник поминовения усопших. Согласно традиции считается, что в это время года души усопших возвращаются к живым и посещают своих родных. Из Википедии.)

Сначала я вздрогнула от неожиданного голоса, но потом успокоилась: раз просто передаёт посылку — скоро уйдёт. Увы, жизнь редко идёт по плану.

Мама тут же пригласила её:

— Арбуз как раз охладился — зайди, покушай!

И, что хуже всего, добавила:

— Подожди-ка в комнате Кохару!

Нееееет! Раньше-то это было в порядке вещей, конечно! Но сейчас-то я совсем не готова морально!

И не вздумай, Аой-тян, сразу бежать наверх по лестнице!

— Кохарууу, я захожу! — раздался её голос.

Лёгкий стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, она уже открыла её — как всегда.

Я замерла на кровати, не зная, что делать, а Аой-тян лишь слегка улыбнулась с горьковатой ноткой:

— Давно не виделись.

Можно было бы фыркнуть: «Как это — не виделась? Мы же в клубе каждый день!» — но это было бы бестактно. Она и сама прекрасно это знает. Просто она имела в виду: давно не разговаривали по-настоящему. Наверное.

— Решила, что пора поговорить с тобой... Можно?

— ...Ага. Я тоже так думала.

Я совсем не ожидала, что момент наступит так внезапно.

Предложив ей сесть, я с замиранием сердца наблюдала, как она, не раздумывая, занимает своё привычное место у изножья кровати. От одного этого жеста в груди что-то заняло — будто прошлое вернулось одним махом.

— Закончила уроки? — спросила она, и мы немного поболтали ни о чём.

В этот момент мама принесла нарезанный арбуз и холодный чай, обменялась парой фраз с нами и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Как только щёлкнул замок, мы обе замолчали.

И, конечно же, первой заговорила Аой-тян.

— С тобой разговаривать... Наверное, впервые так нервничаю, — сказала Аой-тян, опустив глаза.

— Да уж... — кивнула я.

— Я же столько раз мысленно настраивалась: «Сегодня обязательно поговорю!» — а теперь даже не знаю, с чего начать...

— Со мной то же самое. Хотя вроде бы столько всего накопилось...

По-настоящему открыто поговорить — дело непростое.

Если я попытаюсь выговорить всё, что накопилось, мне придётся признаться во всём: в своей любви к ней, в ревности, в тех самых комплексах, которые гложут меня годами... Придётся обнажить перед ней самую уязвимую, стыдную и «некрасивую» часть себя.

— Можно сначала задать вопрос?

— Конечно... В пределах разумного.

— Тогда... Я уже спрашивала раньше, но... Почему ты начала меня избегать?

Да, конечно. Больше всего ей хочется услышать именно это.

В прошлый раз я увильнула, запуталась в словах и так и не дала честного ответа. Вернее, не смогла. А ведь она смотрела мне прямо в глаза, ждала — наверняка злилась потом.

А сейчас? Смогу ли я сказать прямо? Признаться, что просто влюбилась в неё, что не вынесла слушать, как она говорит о чувствах к сэмпай Сугимуре, и что из-за этой глупой, детской ревности всё и пошло наперекосяк?

— Ты... сделала мне что-то плохое?

— Нет... Ничего.

— Тогда почему?! — голос её дрогнул.

Аой-тян смотрела на меня с выражением, будто вот-вот расплечется — но в то же время злилась.

— Я ничего не понимаю! Ты разлюбила меня? Или... подумала, что я солгала про отношения с сэмпай Сугимурой?

— Нет...

— Тогда почему ты меня избегаешь?! — голос её дрожал. — Мне не нравится, что между нами такая дистанция! Мы же всегда были вместе... Без тебя мне даже спокойно не бывает!

Разлюбить её? Никогда. Ни тогда, ни сейчас. Я до сих пор люблю её — и сейчас, когда она говорит, что хочет, чтобы я была рядом, мне хочется плакать от счастья. Хочется просто кивнуть и остаться здесь навсегда.

Сэмпай Йоко как-то сказала, что мои чувства — это зависимость. И я сама признаю: да, в этом есть доля правды. Но всё равно это — любовь.

Если бы я просто «любила» её как подругу, мне не пришлось бы мучиться так долго.

— Прости, что всё это время молчала... Я люблю тебя, Аой-тян.

— Тогда почему...

— Потому что люблю.

Слова вырвались сами собой — будто всё это время я мучилась напрасно.

Сначала Аой-тян не поняла, но когда я специально подчеркнула второй раз: «Люблю», — она на мгновение замерла, глаза её распахнулись, и в них медленно вспыхнуло осознание.

— А...?.. — прошептала она, неуверенно указывая пальцем на себя, будто спрашивая: «Меня?»

Я молча кивнула.

Подозрение превратилось в уверенность. Лицо Аой-тян покраснело, но при этом побледнело — странное сочетание, но именно так она всегда выглядела, когда теряла дар речи от смущения. Она прижала ладонь к виску — это её привычка, когда она растеряна. Если бы она закрыла лицо обеими руками, значит, совсем в панике... Но, похоже, пока не дошло до этого.

Я знаю такие мелочи — потому что мы провели вместе столько лет. Потому что я всегда смотрела только на неё.

— Прости... Я совсем не замечала. А давно?

— Очень давно. Ещё с детства.

— Уже столько времени...?! — вырвалось у неё.

Ага, вот и финальная стадия растерянности наступила.

Аой-тян закрыла лоб обеими руками и стонала: «Я же совсем не замечалааа!» — и, честно говоря, наблюдать за этим было... приятно. Да, звучит жестоко, но за все эти годы я почти никогда не видела, чтобы она так мучилась из-за меня.

Не выдержав, я фыркнула от смеха.

— Чего смеёшься?! — возмутилась она.

И я снова рассмеялась.

— Прости... Я так долго не могла сказать, а теперь, как выговорила — будто камень с души упал.

— А мне-то теперь каково?!

— Да ладно, тебе-то легко. Просто скажи «нет» — и всё.

Когда я это произнесла, Аой-тян замерла.

— Всё равно ведь вывод один, правда?

Ведь ты любишь сэнпай Сугимуру.

Даже если я буду холодна, даже если ты уже получала от неё отказ — всё равно не можешь разлюбить. Так ведь?

— Не переживай, я готова к отказу.

— Но это же не так просто...

— Просто? Да я десять лет к этому шла!

— Ха-ха... Раз ты так говоришь, то теперь мне тебя отказывать как-то неловко становится...

Она слабо улыбнулась, глубоко вздохнула и подняла голову. Потом медленно, с поклоном произнесла:

— Прости... Я не могу быть с тобой.

— Ага.

— У меня есть другой человек, которого я люблю.

— Знаю.

Она опустила брови, глядя на меня с такой виноватой, почти детской гримасой — совсем как в детстве, когда после выговора от мамы стояла и плакала, пряча лицо в ладонях.

Именно эта её способность так ярко, по-детски выражать чувства всегда меня восхищала. Я даже тайно завидовала ей в этом.

— Хотя... Поддерживать твои отношения с сэнпай я, конечно, не стану.

— Да я и не надеялась, что ты такой холодный демон!

— Ха-ха, знаю, знаю...

Разговаривая так, я вдруг осознала, сколько всего глотала все эти годы, боясь сказать «люблю».

«Это уже не дружба», «если скажу — всё станет неловко», «она поймёт, что я чувствую»... Из страха перед такими мыслями я замалчивала всё важное, прикрывалась шутками и уходила в полумрак недоговорок. И именно это постепенно исказило наши отношения.

Да, меня отвергли. Но сказать всё, как есть — оказалось таким облегчением. Давно ли я чувствовала себя так легко рядом с Аой-тян?

После этого мы говорили без остановки. Сначала о пустяках, потом — о том, что раньше держали в себе. Словно пытались наверстать всё упущенное время.

Когда я спросила, что именно ей нравится в сэнпай Сугимуре, Аой-тян сначала ужасно смутилась, но после нескольких моих настойчивых «ну пожааалуйста!» неохотно поведала.

Услышав ответ, я хмыкнула: «Всё-таки из-за внешности, да?» — и тут же получила возмущённое: «Не смей так упрощать!» с обиженным надуванием щёк.

— Сэнпай Сугимура со мной всегда такая колючая... А как она ведёт себя, когда обедает с вами?

— Хм... наверное, как-то... растерянно-миленько?

— Что это вообще значит?! Такой контраст — это же мега-милота! Хочу тоже увидеть!

— Ну уж извини, пока ты бегаешь за ней и кричишь «я тебя люблю!», вряд ли получится...

— Да я и сама знаю!

Ага, вот оно как... Значит, она всё понимает.

Я всегда удивлялась: Аой-тян — такая чуткая и заботливая, а с сэнпаем ведёт себя как сумасшедшая. Но если она делает это осознанно, значит, у неё есть на то причины.

— Слушай, а ты, Кохару, не изменилась ли?

— Я всегда была такой. Просто раньше я старалась быть послушной кошечкой и всё время думала о плохом.

— То есть теперь ты стала позитивной?

— Ага. Благодаря тому человеку, которого ты любишь.

— Уууу, точно изменилась!

Хотя слова её и звучали как жалоба, на лице играла улыбка.

— Ну ладно, позитив — это хорошо.

— Точно.

Раньше мне казалось, будто я стою в крошечной тьме. Ни проблеска надежды, ни света впереди — только страх и нежелание делать хоть шаг. Но ведь и не удивительно: я всё это время смотрела себе под ноги.

Поднять голову мне помогли те двое. Когда я, дрожа, наконец взглянула вперёд — там, вдалеке, мерцал свет.

И с каждым шагом навстречу ему мир становился всё ярче, а моё восприятие — совсем иным.

— Странно... Я же только что отказалась от тебя, но сейчас ты выглядишь так, будто ничего и не случилось.

— Эй, ты же сама меня отвергла, а теперь такое говоришь?

— Прости! Просто... Ты такая живая! Я даже переживала: как теперь буду с тобой общаться после признания? А ты — как ни в чём не бывало!

— Ты так волновалась?

— Конечно! Это же нормально!

Ну да, логично. Ведь и я боялась последствий отказа — поэтому так долго молчала.

— Знаешь... Мне не хотелось, чтобы ты ушла из моей жизни. Но раз я не могу ответить тебе взаимностью, я уже смирилась: если ты решишь отдалиться — придётся принять.

— Ты так думала? Хотя сама же не отступаешь от сэнпая, даже получив отказ?

— Просто... Я понимаю, каково это — быть отвергнутой. Поэтому не могу удерживать тебя силой.

— Ага... Понятно...

Выходит, у Аой-тян тоже были свои терзания и внутренние битвы.

С моей точки зрения, я хочу, чтобы сэмпай Сугимура и Сара-сан наконец сошлись — да и вообще, похоже, они давно друг в друга влюблены. Но Аой-тян ведь этого не знает...

— Я останусь с тобой, Аой-тян. Как твоя детская подруга.

— Спасибо! Для меня ты тоже самая важная подруга детства!

С этими словами она крепко обняла меня.

Типично для неё — так обнимать человека, которому только что отказала. Сначала я даже слегка удивилась, но потом подумала: может, это её способ показать, что всё в порядке? Её особая форма нежности и доверия.

Конечно, грустно, что она не видит во мне романтический интерес... Но если она говорит, что я для неё важна как подруга — этого уже достаточно. Эти слова дали мне силы сделать ещё один шаг вперёд.

Моей первой, долгой любви пришёл конец. Сейчас сердце ещё тяжело, но я верю: со временем эти чувства превратятся в светлое воспоминание. И однажды, став взрослыми, мы с Аой-тян сможем с улыбкой вспоминать: «А помнишь, тогда такое было?»

Ради этого я и пойду дальше. Смотря прямо перед собой, шаг за шагом — своими ногами.

Пока Аой-тян крепко держала меня в объятиях, перед глазами мелькнули лица двух сэмпаяв.

Мне даже послышался их голос: «Молодец, ты отлично справилась».

И от этого в носу защипало.

Спасибо за прочтение.

<http://bllate.org/book/16065/1436375>